

„НОЧНЫЕ ВЕДЬМЫ“

— ОДНАЖДЫ нам привезли кино. У бойцов — немолверная радость, потому что такие мероприятия на фронте не часто бывають, — вспоминает Мария Ивановна Мироненко-Лукашова. — Расположились на траве. Только включили кинопроектор, а «грама», так называли немецкие самолеты, прямо над нами, на бреющем, тра-та-та... От неожиданности поднялась паника. Но тут же кто-то вспомнил о светомаскировке. Выключили все лампочки, погасили костры. А самолет пролетел чуть ли не над головами, развернулся и давал пальцы по-новому. К счастью, никто из наших тогда не пострадал. Несмотря на большой переполох, мы навели свои зенитки и давай по немцу. Но не тут-то было. Пух-пух, а достать не можем. Он покружил-покружил, как коршун, разведая, что ему было надо, и спокойно улетел.

Таких или более страшных моментов, когда со смертью встречалась лицом к лицу, за время войны у восемнадцатилетней девушки было немало. Маша Мироненко попала на фронт по направлению райкома комсомола. Тогда, в трудное для страны время, известной летчице, Герою Советского Союза Марине Расковой было поручено сформировать отдельный женский бомбардировочный полк, куда мечтали попасть сотни советских девушек. Те, кто до войны занимался парашютным спортом — в клубах ДОСААФ либо закончил высшие или авиационные учебные заведения, стали летчицами, авиационными инженерами-механиками. А девушек после средней школы направляли на учебу в Кемеровскую школу младших специалистов. Сюда попала и Маша.

Вместо трех с половиной лет девушки по ускоренной программе окончили курсы за одиннадцать месяцев. Потом их судьбы сложились по-разному. Мироненко сначала взяли мастером по приборам в 63-й авиаполк, а затем — механиком в 46-й женский полк, которым командовала Мария Павловна Чечнева. Маша была зачислена в четвертую эскадрилью и своего командира — Евдокиму Давыдову Бершанскую — она полюбила с первых дней. Да и не только она: «Милычишеская стирка» насколько не портила ее лица, — вспоминает Мария Ивановна. — Очень энергичная, образованная девушка. Смелая и даже дерзкая слегка, она нравилась всем. До войны работала инструктором в ДОСААФ и училась в институте, хотя было ей всего-то двадцать лет».

Нравилась Маше и старший лейтенант, летчик Инна Худякова, самолет которой она обслуживала. Впоследствии за мужество и героизм, проявленные при выполнении боевого задания, ей было присвоено звание Героя Советского Союза. Весь полк состоял из таких вот 18-20-летних девушек, если не считать семи мужчин, которые служили здесь токарями. Многие, наверно, помнят фильм «В

небе «ночные ведьмы». Он — о героинях прославленного 46-го гвардейского бомбардировочного Таманского Краснознаменного ордена Суворова III степени авиационного полка. И поставила его бывшая летчица этого подразделения, Герой Советского Союза, режиссер Евгения Жигуленко. В фильме изменены фамилии, действия взяты из жизни ее боевых подруг. Вместе с Марией Ивановной листаем альбом — эту летопись героического времени — он был издан в 1973 году по решению Президиума Комитета советских женщин издательством ордена Красной Звезды, Центрального Дома Армии.

— Вот Дуса Носаль, — показывает Мария Ивановна. — Она погибла первой. Бомбила фашистские корабли в районе Новороссийска и не заметила, как вынырнул рядом немецкий истребитель. Пуля попала прямо в висок и сразу намертво. Штурман Ирина Кашнерина, которая вылетела с Дусей на задание, сумела одна привести машину на наш аэродром. До войны Дуса была замужем, очень хотела ребенка. И вдруг это страшное время. Война застала ее прямо в роддоме. Сюда угодил вражеская бомба и убила ее младенца вместе с другими малышами. Едва оправившись от родов, Дуса попросилась на фронт. Но ее мечта — сполна отомстить врагу — не сбылась. А вот Оля Санфиорова. Она выпрыгнула из горящего самолета и приземлилась на минное поле. Я стояла в почетном карауле у ее гроба, и душу мою разрывали горечь и обида за то, что я не летчица и не могу подняться в небо и отомстить за девушек, наших боевых подруг.

Самые большие потери полк понес при прорыве оборонительной «Голубой линии» противника на Таманском полуострове. Озверевшие фашистские истребители подкараулили девушек, когда они возвращались с задания, и днем, у всех на глазах, перед самым аэродромом, в упор расстреляли во весь самолет. Это было страшно наблюдать с земли, но помочь ничем

нельзя было. Говорят, очень кричала Галя Дортунович перед смертью. Ее самолет был полностью изрешечен пулями немецкого истребителя, который, как коршун, клевал ее машину до последнего момента.

Всем довелось хлебнуть лиха: и тем, кто летал и кто нет. Девушки-вооруженцы на базе перетаскивали порой тонны бомб, потому что машины в труднопроходимых местах не могли проехать. «Бывало, приготовишь самолет, — вспоминает Мария Ивановна, — а летчик не может взлететь — кочки, распутица. Выругаемся и тащим стальную птину до деревянного настила. А иногда с таким трудом доведем его до места, а тут — немецкие бомбардировщики почти на бреющем. Взлетная полоса... спрятаться некуда. Попадали на землю, а все равно все навиду. Сколько раз за время войны вот так, за какие-то считанные секунды, прокручивалась в голове вся жизнь».

А в общем, бомбят — не бомбят, а за исправность самолета девушки отвечали головой. У Мироненко-Лукашовой был однажды такой случай. Ее «тридцать первая» недотянула до аэродрома и вынужденно села на поле. Маша вылетела на место происшествия. А внутри такое состояние — сама не своя. Знала, что на том самолете была сама командир эскадрильи Бершанская. И, если что-то не так, по голове не поглядят. «Долетаю, иду по полю, ноги подкашиваются, — вспоминает она, — а метров за сто до самолета они вообще отнялись, не идут, я встала как вкопанная и ни с места. Смотрю, машет рукой инженер Софья Озерцова и кричит: «Иди, не бойся, тут не твоя вина, а заводской брак!». А я стою и не могу прийти в себя. Не могу поверить. Ответственность за подготовку машин была очень высока».

Что только не пережили девушки за войну. Однажды, уже в Восточной Пруссии, летчицы улетели преследовать врага, а техническая часть чуть приотстала — снег, дороги замело. Остановились, укрылись в каком-то здании. И вдруг — немцы. Девушек горстка, и те утомлены. Техник звена Галина Пилипенко вышла навстречу фашистам с автоматом в руках и командовала: «Руки вверх, вы окружены». Терять девушкам уже было нечего. А немцы и рады были сдать в плен. Их тоже было немного. Они побросали оружие. Потом все шутили «Одна Пилипенко 40 немцев взяла в плен».

В общем эти русские чудо-девушки порой забывали о том, что они «слабый пол», что им иногда нужны элементарные человеческие условия. Все жили одной мечтой — вылетев, обязательно вер-

нуться и мстить, мстить врагу за поруганную землю, за тех, кто уже не мог отомстить.

Всего полк совершил 24 тысячи боевых ночных вылетов. Многие экипажи их насчитывают по 500-700. В 1943 году за успешную операцию по освобождению Северного Кавказа полк из 558-го был переименован в 48-й гвардейский, а за освобождение Кубани и Таманского полуострова ему присвоено звание Таманский. За освобождение Феодосии полк удостоен высокой награды — ордена Суворова III степени. 23 летчицам и штурманам присвоено звание Героя Советского Союза, 22 раза в приказах Верховного Главнокомандующего звучали слова благодарности в адрес полка за успешно проведенные операции. 31 девушка погибла, выполняя свой священный долг перед Родиной. Пяти из них посмертно присвоено звание Героя Советского Союза, а 15 октября 1945 года это подразделение было расформировано...

Слушая рассказ Марии Ивановны, просматриваю ее альбом. Он — святая реликвия в доме, гордость детей и внуков. На его первой странице — фотография первого командира полка — Марины Расковой. Все она умеда и жизнь отдала за то, чтобы девочкам ее подразделения и сотням других жилось долго и счастливо. А вот портрет Мироненко-Лукашовой: мужественный, серьезный по-взрослому и в то же время юный взгляд.

...Тогда уж случилось, что Марии Ивановне после войны пришлось воспитывать двоих детей. Наверное, поэтому, когда тридцать лет назад Лукашовой приехали в Находку, Мария Ивановна не гнушалась никакого труда. Работала в бытовом комбинате, горкомхозе, ателье проката «Багульник», а сейчас на пенсии. И везде о ней шла добрая слава. Такой она запомнилась и своим однополчанам, с которыми много лет после войны вела переписку, ездила на встречи в Москву.

Мария Ивановна долго хранила Почетную грамоту Комитета ветеранов войны, подписанную А. Маевским, и памятные подарки. Награждена орденом Красной Звезды и четырьмя медалями.

Сейчас Мария Ивановна живет одна в частном доме. Ее дочь — юрист по образованию, сын — доктор. Оба они подарили ей внуков, которые гордятся и любят свою бабушку. Мария Ивановна с удовольствием копается в огороде, по душе ей это занятие. Да и трудно в нынешнее время без земельного участка пенсионеру. Заезжают в гости дети, помогают. Вот так день за днем и проходит эта пенсионная жизнь. О подвигах и славе — только воспоминания.

Владимир ПАНТЮХОВ,